

Самойлов Д.

6.10.92.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗГНАНИЕ ПОЭТА ДАВИДА САМОЙЛОВА

Эстония - Таллин - 1992-бокс.

Поэт Самойлов умер зимой 1990 года на сцене Таллиннского драматического театра, где проводил вечер памяти другого поэта - Бориса Пастернака. У Самойлова, прошедшего солдатом всю войну и тяжело раненного, давно было больное сердце. Поэт зашел за кулисы и упал. Так совпало, что на следующий день, 24 февраля, Эстония отмечала большой праздник - день своей независимости, все учреждения, в том числе и похоронные, были закрыты. Однако для Самойлова, прожившего в Эстонии последние 15 лет жизни, глубоко почитаемого всей республикой, все закрытые двери открылись.

Гроб с телом поэта был отвезен сначала в Москву, где Самойлов родился и жил до переезда в Эстонию. Тысячи москвичей пришли проститься со своим кумиром. А потом прах поэта вернулся в эстонский город Пярну, где семья Самойловых имела свой дом и фамильную могилу - на Пяриуском кладбище похоронена мать поэта. И похороны, и поминки устраивали городские власти, от них же исходило предложение организовать в доме поэта мемориальный музей. О чем вскоре мэрия издала специальное постановление.

Хотя был создан общественный совет, и директор Пярнуского краеведческого музея помогал консультациями, весь сбор и систематизация материалов, составление буклета и прочие непредсказуемые заботы легли, конечно, на плечи вдовы поэта Галины Ивановны. Ей было не легко ведь одновременно с организацией музея она успела составить и прокомментировать шесть сборников Самойлова, а еще... Ну это личная деталь, давно ставшая трагической доминан-

ной жизни Галины Ивановны - уход за сыном, который родился инвалидом, и его нельзя оставить одного ни на час.

К началу нынешнего курортного сезона (а Пярну - самый популярный в Эстонии курорт) все экспонаты были готовы, и оставалось только открыть музей, но вдруг...

Галина Ивановна, рассказывая о пережитых ею мытарствах, все время повторяет: "Самое невероятное, что это случилось в Эстонии. Ведь мы с мужем всегда восхищались корректностью и великолепной точностью, с которой эстонцы делают все дела..."

Создавая музей, она ни разу за два года ни одну инстанцию ни одной просьбой не побеспокоила. Во-первых, особой нужды не было (деньги на экспозицию собирали друзья), а, во-вторых, понимала же она, какую трудную пору переживает молодое независимое государство, вступающее в рынок. Понимала и не обижалась, что никто из властей города ей тоже не звонил, не поинтересовался, как дела с музеем. Но вот теперь, когда музей наконец готов (подарок городу!), надо было узаконить его статус, и вдова пошла в мэрию.

Ее приняли очень любезно, сбещали содействие. Ведь это немыслимо, чтобы она содержала музей на собственные средства и сама же его обслуживала. Сегодня в Эстонии плата за коммунальные услуги обычной квартиры превышает размер средней пенсии, а тут - целый музей... Ей пообещали в ближайшее время "решить вопрос"...

Две недели из мэрии не было ни слуху, ни духу. А потом в дом поэта явилась милая юная дама, оказавшаяся секретаршей некой

общественной организации с замечательным названием: "Культурный капитал". Этот "капитал" теперь отвечает за всю культуру города Пярну, и пусть, мол, вдова дождется все свои проблемы, а секретарша запишет, и потом на заседании правления они все обсудят. Та-

кой заочный способ решения судьбы музея показался Галине Ивановне несколько странным, но что поделать - она все рассказывает, и секретарша добросовестно испытала целый блокнот и ушла. И снова - тишина.

Галина Ивановна уже начала догадываться, что такая невероятная для этики эстонских деловых отношений волокита не случайна, что это, видимо, означает отказ. Но зачем же тянуть время? Почему бы не позвонить и не сказать честно: простите, но бюджет города в таком катастрофическом состоянии, что взять на свой баланс музей Самойлова мы просто не можем. Она бы поняла, она бы стала сама искать какой-то выход.

В иммиграционный департамент Галина Ивановна пошла, разумеется, не для того, чтобы спрашиваться о судьбе музея.

Попала по своим бытовым нуждам. Во-первых, приближалась денежная реформа, и обмен рублей на кроны государство собиралось производить только для тех, кто имеет эстонскую прописку, а все члены семьи Самойлова остались прописанными в Москве. (В свое время купили этот пярнуский дом на деньги, вырученные от продажи подмосковной дачи, и ни о какой перепрописке вопрос просто не возник). В Москве живут двое других детей поэта и мать Галины Ивановны, которая к тому времени, когда вдова пришла

в департамент, была тяжело больна, и ей требовался срочный приезд дочери.

Так вот, главный вопрос, с которым она пришла, был о визе. Эстония собиралась через месяц закрывать границу с Россией, и Галина Ивановна хотела узнать, как ей с сыном-инвалидом получить визу для поездки в Москву и возвращения обратно.

"Известно ли вам, что ваше проживание в Эстонии незаконно!" - встретила ее с порога начальница департамента. Оказывается, за грубое нарушение нового закона об иммиграции семью нужно было оштрафовать! Начальница смотрела на нее как на преступницу. Пярну - город маленький, здесь все жители знают друг друга лицо, но с хозяйкой этого кабинета Галина Ивановна никогда ранее не встречалась и подумала было, что она ее с кем-то спутала, и попробовала возразить, что у ее семьи здесь свой дом (о музее и о своем знаменитом муже вспоминать в такой ситуации вдова сочла неуместным). "Ну и что?! Наличие недвижимости не дает право на льготы!"

Далее начальница произнесла фальшивейший из старых советских лозунгов: "У нас перед законом все равны". И, разгорячившись, проговорилась: ей уже звонили (было ясно, что откуда-то "сверху"). Было ясно, что звонили из мэрии. И значит, оттуда продиктовали этот сценарий разговора о прописке, которая в Эстонии равнозначна "виду на жительство". "Когда мы жили в Советском Союзе, мы исполняли ваши законы, теперь вы будете исполнять наши".

Давид Самойлов всегда подчеркивал в разговорах с друзьями: "Мы - гости на эстонской

земле и должны уважать местные обычаи и порядки". Ему нравился мелодичный эстонский язык, он перевел на русский многих местных поэтов. Вдова поэта посещала курсы по изучению эстонского языка. Порой они укоряли своих русских соотечественников, которые, родившись в Эстонии, не удоживаются даже на бытовом уровне освоить язык народа, среди которого живут. Но теперь, когда язык стал своего рода кнутом для изгнания "оккупантов" из Эстонии, все прежние представления изменились, и Галина Ивановна радовалась, что ее муж не видит того позора, который творится в его любимой Эстонии, бесстыдно попирающей права человека.

Вдова Самойлова не собирается просить у Эстонии гражданства, ей было достаточно "вида на жительство". Она поняла, что устами этой дамы, внешне очень похожей на бывших партийных функционеров, город изгоняет ее. Городу, воспетому в стихах Давида Самойлова, не только не нужен его музей, но даже пребывание членов его семьи нежелательно. Они, значит, тоже попали в разряд "оккупантов". Ей показалось, что все это дурной сон.

Она решила уезжать немедленно. Так поступил бы ее муж, а она привыкла жить, советясь с ним (даже после его смерти). С помощью друзей-эстонцев она сумела в течение одного месяца упаковать все экспонаты музея и все вещи, нажитые семьей почти за десятилетия. Только книги заняли около 80 ящиков. Каждый отезжающий из Эстонии должен составить список вывозимого имущества, вплоть до вилок и ложек, и заверить эту

опись в мэрии. Список Самойловых состоял из 75 наименований, так вот, чиновница мэрии, изучив описание, выразила пожелание: хорошо бы узнать точное количество вывозимых книг. Да, любят эстонцы точность.

Только за первое полугодие этого года из Эстонии выехало, как сообщает местная пресса, 17.850 "оккупантов". Продать жилье, когда все вокруг продают, очень трудно. Новые российские миллионеры не пожалели бы за этот двухэтажный дом на берегу залива целого состояния, но продать недвижимость на территории Эстонии можно только эстонцу. Галина Ивановна продала дом первому попавшемуся покупателю за сумму, на которую теперь в Подмосковье она только хибару может купить.

Ту уютную улицу, где жил Давид Самойлов и где каждое лето отдохнул (в доме напротив) Давид Ойструх, друзья в шутку называли "улицей двух Давидов". После смерти великого скрипача на доме, где он жил, была установлена мемориальная доска. Теперь ее нет. Почему? А просто хозяева делали ремонт и доску сняли: им не понравилось, что там надпись на русском языке.

"И смерть, как жизнь, светла и первоздана", - писал Самойлов, оставшийся, как и все подданные поэты, бессмертным. Но как же больно, что с его уходом умирает его любимый Пярну. Вдова поэта рассказывает, что за все это лето не увидела там ни одного знакомого лица ни из русской, ни из эстонской элиты, а заполнили город шумные отъезжающие торговой наружности.

Лидия ГРАФОВА.
("Известия").